

П. КРОССЕР

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
 ФИКЦИИ

ECONOMIC FICTIONS

*A critique of subjectivistic
economic theory*

PAUL K. CROSSER

PHILOSOPHICAL LIBRARY

New York

1957

П. КРОСС

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФИКЦИИ

КРИТИКА СУБЪЕКТИВИСТСКОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Перевод с английского
М. И. ЗАХМАТОВА

Под редакцией
и со вступительной статьей
доктора экономических наук
Л. Б. АЛЬТЕРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва • 1962

АННОТАЦИЯ

В книге американского экономиста и философа П. Кроссера дается критика с материалистических позиций методологических основ концепций ведущих теоретиков субъективного направления вульгарной буржуазной политекономии. Автор подвергает анализу и критике взгляды основоположников теории „предельной полезности“ и „предельной производительности“ Менгера, Визера, Бем-Баверка, Джевонса, Д. Б. Кларка, а также экономистов более позднего периода — Кейнса, Шумпетера и Шпанна. В приложении П. Кроссер дает краткий обзор развития буржуазной экономической мысли в США. Работа написана живо, в остром полемическом стиле. Перевод книги на русский язык сделан с некоторыми сокращениями редакционного характера.

Книга рассчитана на квалифицированного читателя, она представляет интерес как для экономистов, так и для философов, занимающихся вопросами критики основ буржуазной идеологии.

Редакция литературы по экономическим наукам

П. Кроссер
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФИКЦИИ

Редакторы Ф. В. Грецкий
и В. И. Киселева
Художник К. П. Сиротов
Технический редактор М. П. Грибова

Сдано в производство 5/I 1962 г.
Подписано к печати 24/IV 1962 г.
Бумага 84 × 108¹/₃₂ = 6 бум. л.,
19,7 печ. л. Уч.-изд. л. 19,4.
Изд. № 8/012.
Цена 1 р. 31 к. Зак. № 2565.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, 1-й Рижский пер., 2

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Московского городского совнархоза
Москва, Ж-54, Валуевская, 28

Отпечатано с готового набора
тип. Металлургиздата. Заказ 384
Москва, Цветной бульвар, 30

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Книга американского экономиста и философа Пауля К. Кроссера «Экономические фикции» представляет значительный интерес как с философской (гносеологической) точки зрения, так и с точки зрения методологии политической экономии. Книга посвящена критике теоретических взглядов следующих представителей буржуазной политической экономии: одного из первых авторов теории предельной производительности И. Тюнена, теоретиков австрийской школы (школы предельной полезности) К. Менгера, Ф. Визера, Е. Бем-Баверка, главы американского маржинализма Джона Бэйтса Кларка, английского теоретика предельной полезности У. Джевонса, более позднего теоретика маржиналистской трактовки экономического развития И. Шумпетера, главного идеолога буржуазной политической экономии периода общего кризиса капитализма Дж. М. Кейнса и, наконец, теоретика так называемого универсализма О. Шпанна.

П. Кроссер объединяет (в основном правомерно) этих авторов в общее методологическое направление субъективистской политической экономии и подвергает критике философские и методологические предпосылки этого направления.

Книга Кроссера — весьма своеобразное, оригинальное произведение. Не будучи специальной экономической работой и ограничиваясь главным образом методологическими вопросами, книга Кроссера представляет тем не менее существенный интерес для экономической науки именно своим философским и методологическим подходом к критикуемым экономическим теориям и к отдельным проблемам политической экономии. Вместе с этим она представляет интерес и для философской науки, так как отражает борьбу философских взглядов в одной из

важнейших областей научного знания, в области политической экономии. Привлекает к себе внимание и то обстоятельство, что автор отмечает наличие определенной идеологической и методологической связи субъективизма в буржуазной политической экономии с субъективизмом в других сферах, например в области искусства. Так, он указывает на общие мировоззренческие основы субъективистских экономических представлений Менгера, Визера и других авторов этой теории с импрессионизмом и экспрессионизмом. Тем самым расширяется значение книги для критики буржуазной идеологии в целом.

Собственная методологическая позиция автора определена им следующим образом: «Всякая наука и всякие научные суждения являются формами приближения к реальности». И далее: «Та или иная степень постижения реальности, достигнутая с помощью научных суждений, может быть определена как степень достижения научной истины» (стр. 33). Исходя из этого положения, автор критикует названных буржуазных экономистов как авторов субъективистских теорий, оторванных от объективного реального мира и искажающих его закономерности.

В противоположность этим теориям автор высоко оценивает классическую буржуазную политическую экономию, которую он считает по ее научному методу последовательницей Исаака Ньютона: «Следуя ньютоновской эпистемологии и методологии, классическая политическая экономия, основанная Смитом и Рикардо, открыла экономические законы и создала ряд обобщений, благодаря которым экономическая жизнь стала сферой научного познания» (стр. 33—34). Кроссер отмечает, что субъективизм в политической экономии возник в качестве реакции на научный метод объективного исследования, заложенный Смитом и Рикардо, и, что особенно важно, он подчеркивает, что субъективистские теории в политической экономии были направлены своим острием против марксизма. «Широкая реакция против экономического классицизма,— пишет П. Кроссер,— возникла тогда, когда некоторые классические концепции были включены в сферу философской системы, утверждающей необходимость радикального изменения социально-экономического строя общества». И далее он пишет: «Использование Марксом положений классиче-

ской школы с целью их отрицания вызвало лавину критики в адрес классической школы, ее эпистемологии и методологии» (стр. 34). Таким образом, Кроссер правильно указывает, что субъективистская школа — защитница капитализма.

Рассматривая субъективистские теории с точки зрения их метода и общих философских воззрений, автор показывает, что они «заменяют гипотетические постулаты фикциями» и используют фикции в качестве высшего постулата. Кроссер подчеркивает также, и проводит это положение через всю книгу, что субъективизм идет рука об руку с релятивизмом и «логико-позитивистским методом», к которому он для поздней эпохи относит теорию Кейнса. Устанавливая связи рассматриваемых экономических теорий с различными школами идеалистической философии, Кроссер приходит к выводам, согласно которым концепция Тюнена отражает «супер-натурализм» Шеллинга; Менгера — идеалистические воззрения Шопенгауэра; Визера — «антирационализм» Ницше; Бем-Баверка — неокантианство и неопозитивизм (Конт); Дж. Б. Кларка — философию прагматизма и т. д. В этой связи особенно обращает на себя внимание интересное указание на связь экономической теории Кейнса с «логическими постулатами» известного философа-идеалиста Гуссерля.

Не все оценки Кроссера могут быть признаны бесспорными (в частности, это относится к оценкам Тюнена), но в целом направление философского анализа субъективистской школы, направление ее методологической критики, — правильное и помогает борьбе с вульгарной экономией, хотя в каждом отдельном случае требуется более конкретный критический анализ существа рассматриваемых экономических теорий.

Книга Кроссера содержит в себе критику общих методологических основ субъективистского направления в буржуазной политической экономии и с этих позиций вскрывает его несостоятельность. Вот одна из характеристик субъективистского направления в книге Кроссера: «Менгер усиливает свои позиции, считая, что, поскольку это касается вопроса о происхождении дохода, не следует принимать во внимание объективные факторы производства. Не следует переоценивать влияние материальных элементов в производстве, ибо первостепенное зна-

чение имеют личные склонности или неприязнь. Только субъективные ожидания должны приниматься во внимание» (стр. 75—76).

Проследивая ход развития подобных субъективистских представлений, Кроссер показывает, что они неизбежно приводят к «экономическим фикциям», каковыми являются все основные категории субъективной школы — предельная полезность, предельная производительность, субъективистско-эмоциональная трактовка капитала, прибыли, процента, ренты и т. д.

Эволюция методологических взглядов субъективистской школы, как отмечает автор, выражалась в намеренном разложении и разрушении научных категорий политической экономии. На место трудовой стоимости она поставила расплывчатое понятие «субъективной полезности», цену объявила «эмоциональным напряжением», прибыль, процент — психологическими феноменами «хозяйствующего субъекта», все реальные экономические отношения и связи превратила в иррациональные, интуитивные и мистические. Эта «деконцептуализация» была начата еще Менгером и продолжена Визером, который лишил объективного смысла реальные экономические явления, подготовив тем самым почву для последующего развития крайнего субъективизма в буржуазной политической экономии. Следует признать, что П. Кроссер вполне успешно справился со своей задачей, состоявшей в том, чтобы, как пишет сам автор, доказать, что «изменение теоретической основы экономического исследования, выразившееся в замене гипотетических положений, основанных на признании объективной реальности, нематериалистическими, то есть субъективистскими, идеалистическими фикциями, означает замену научной политической экономии псевдонаучной формой экономического исследования» (стр. 358).

Во всех главах книги П. Кроссер убедительно показывает, что смысл теоретических построений субъективистской школы состоит в «десигнификации», то есть в лишении экономических категорий реального смысла, в замене их экономическими фикциями и выхолащивании таким путем их социально-экономического содержания. В этом прежде всего состоит коренной порок главной субъективистской теории — теории предельной полезности, которая подменяет исследование объективных

экономических законов, управляющих развитием материальной жизни общества, анализом «субъективной психологии» и «эмоциональных переживаний», испытываемых индивидом при оценке своих потребностей, а также полезности благ, которые могут их удовлетворить. Детально анализируя рассуждения теоретиков субъективистской школы, в частности Джевонса, об «экономической психологии», Кроссер характеризует их как «эмоциональный примитивизм в области экономической теории» (стр. 202). С такой же убедительностью П. Кроссер показывает, что действительное назначение этой социально-экономической «десигнификации» состоит в затушевывании классовых противоречий и защите интересов эксплуататорских классов — капиталистов и крупных земельных собственников. Несомненная заслуга Кроссера состоит в том, что, анализируя гносеологические (как он обычно выражается, эпистемологические) основы субъективистской школы в буржуазной политической экономии, он сумел выяснить конечный — социальный и классовый — смысл ее «экономических фикций».

Книга П. Кроссера имеет тем большее значение, что субъективистское направление продолжает и поныне оказывать большое влияние в буржуазной политической экономии, основные его положения и выводы широко используются для защиты и оправдания современного государственно-монополистического капитализма, реакционной политики империалистических государств и для борьбы против марксизма-ленинизма и социалистического лагеря. Книга Кроссера наносит новый удар по лженауке, используемой империалистической буржуазией, она помогает борьбе прогрессивных сил против реакционной идеологии империализма. При этом следует подчеркнуть, что она значительно выходит за пределы критики определенного направления в буржуазной политической экономии, ибо она направлена против реакционной философии субъективного идеализма.

Книга П. Кроссера свидетельствует о том, что, несмотря на господство в официальной университетской науке США буржуазных, чаще всего реакционных учений в области философии и общественных дисциплин, несмотря на общую антидемократическую обстановку в политической жизни этой страны, в ней имеются про-

грессивные силы, ведущие борьбу с обскурантизмом и реакционной идеологией.

При анализе и оценке книги П. Кроссера читатель должен постоянно иметь в виду, что она написана в методологическом аспекте и что автор сосредоточивает свою критику не столько на конкретном содержании собственно экономических концепций субъективистского направления, сколько на их гносеологических (эпистемологических) корнях и общеидеологических посылах. Перед нами не специальная экономическая работа, а книга философа и социолога по методологическим проблемам экономической науки. Этим определяются как достоинства труда П. Кроссера, так и границы, за рамки которых не выходит проведенный им анализ. В его труде глубоко и убедительно раскрывается философская несостоятельность метода, исходных позиций и общих выводов субъективистской школы в буржуазной политической экономии, но автор не всегда ставит своей задачей критическое рассмотрение самих теоретических конструкций, которые составляют содержание этого направления. Такому подходу к критике того или иного направления в науке, предполагающему, что читатель знаком с существом критикуемых теорий, нельзя отказать в известной правомерности; однако такой подход неизбежно придает анализу ограниченный, неполный характер. Исчерпывающий критический анализ, решающий не только методологические задачи, требует рассмотрения экономической теории по существу, а также выяснения того специфического места, которое она занимает в конкретной истории идеологической борьбы.

Субъективистское направление является одной из форм вульгарной политической экономии, то есть буржуазной политической экономии развитого капитализма, когда идеологи буржуазии отказались от рациональных научных основ, выработанных классической школой Адама Смита и Давида Рикардо, и заменили анализ действительного существования экономических процессов описанием внешних и притом искажающих форм их проявления. Как отметил К. Маркс, этот переход от научной к вульгарной экономии произошел еще во второй трети XIX столетия, когда буржуазия пришла к власти в главных капиталистических странах, все явственнее стали обнаруживаться внутренние противоречия буржуазного

общества и на политическую арену в качестве самостоятельной силы выступил рабочий класс. В этих условиях, в отличие от периода, когда буржуазия была еще восходящим классом и вела борьбу с феодальной реакцией, ее идеологи уже не были заинтересованы в исследовании действительных, объективных законов экономического развития; они поставили своей главной задачей затушевать противоречия капитализма и оправдать его господство, то есть перешли на позиции прямой апологетики буржуазного строя. При этом в ходе исторического развития и в связи с развивающейся классовой борьбой последовательно формировались различные школы и направления вульгарной экономии.

Первая форма вульгарной экономии возникла на базе разложения классической школы и была представлена ее эпигонами — Сэем, Мак Куллохом, Сениором и др., которые под видом разъяснения и развития учения своих учителей — А. Смита и Д. Рикардо вульгаризировали это учение, развивали такие ошибочные его элементы, как сведение стоимости к доходам (известная «догма Смита»), закон убывающего плодородия почвы и др. Они всячески искажали научные основы политической экономии, выработанные А. Смитом и Д. Рикардо, и прежде всего их трудовую теорию стоимости, анализ противоположности заработной платы и прибыли, научные элементы теории накопления капитала и общественного воспроизводства и другие важнейшие положения, открывшие путь развитию экономической науки. Именно в недрах вульгарной школы эпигонов были сформулированы такие антинаучные положения, как «теория трех факторов», «теория рабочего фонда», «теория воздержания», «закон Сэя» и другие подобные антинаучные положения буржуазной апологетики, обслуживавшие идеологические и полицейские нужды буржуазии.

Однако эта первая форма вульгарной экономии, выступавшая под флагом мнимой приверженности учению классической школы, была смята ходом исторического развития, ибо рост противоречий капиталистической экономики, периодически повторяющиеся кризисы перепроизводства и развитие классовой борьбы опрокинули ее апологетические теории, изображавшие капитализм как гармонически развивающееся общество. Эта форма вульгарной экономии была полностью разгромлена

К. Марксом и Ф. Энгельсом, которые подвергли уничтожающей критике теоретические построения Сэя, Мак Куллоха, Сениора и др., до конца вскрыли их реакционный, антинаучный характер.

Разгром эпигонов классической школы вынудил буржуазную политическую экономию обратиться к поискам других, еще не скомпрометировавших себя форм апологетики. Возникновение марксизма, осуществившего величайший революционный переворот в философии и общественных науках, в том числе и в экономической науке, вызвал у идеологов буржуазии стремление перестроить свою аргументацию в защиту капитализма с тем, чтобы создать некую замену тем методам апологетики, какие применяли эпигоны классической школы, и противопоставить эту новую форму вульгарной экономии революционному учению К. Маркса и Ф. Энгельса. Такой новой формой вульгарной экономии явилась пресловутая историческая школа буржуазной политической экономии, возникшая в середине XIX столетия в Германии.

В отличие от эпигонов классической школы «историческая школа» (Книс, Гильдебрандт, Рбшер) возникла в качестве оппозиции учению Смита и Рикардо, что, в частности, отражало как борьбу нарождавшейся немецкой буржуазии против промышленной и торговой монополии Англии, так и пресмыкательство немецкой буржуазии перед своей феодальной аристократией и ее стремление к политическому блоку с аристократией против освободительных движений народных масс. Кредо «исторической школы» состояло в принципиальном отказе от экономической теории, в отрицании самой возможности экономической теории под предлогом отсутствия объективной закономерности в развитии общества, в замене экономической теории описанием фактов хозяйственной жизни в их хронологической последовательности — от «первобытных зародышей» до современных хозяйственных форм. С помощью «историко-генетического метода» оправдывалась любая форма эксплуатации человека человеком, капитализм объявлялся вечным строем, так как он якобы обнаруживался уже в «первобытных зародышах», и всячески восхвалялось сожителство капитализма с феодализмом, сотрудничество буржуазии с земельной аристократией. Самое же главное

состояло в том, что «историко-генетический метод» давал возможность «отрицать» марксизм, даже не рассматривая его существа, только потому, что он представлял собой «запрещенную» «исторической школой» экономическую теорию.

Маркс раскрыл принципиальную несостоятельность и реакционный характер «исторической школы», ее антиисторическую позицию и показал, что она является «могилой науки».

«Историческая школа», как «старая», представленная Книсом, Гильдебрандтом и Рошером, так и «новая историческая школа» Шмоллера, Бюхера, Зомбарта, подвизавшаяся в последней четверти XIX и начале XX столетия, оказалась, конечно, беспомощной и целиком бессильной в ее борьбе против учения Маркса. Об этом «модном буржуазном скептицизме» В. И. Ленин писал: «Отчаяние в возможности научно разбирать настоящее, отказ от науки, стремление наплевать на всякие обобщения, спрятаться от всяких «законов» исторического развития, загородить лес — деревьями»¹. Классовый смысл этого «метода» состоит в том, что «буржуа и их идеологи готовы выкинуть всех классиков и всякие законы, лишь бы сдать в архив юриспруденции... социальные неравенства»².

В среде буржуазных экономистов тоже все более становилось ясным, что «историко-генетический метод» совершенно «не пригоден» для борьбы с марксизмом. И в самом деле, их «исследования» об истории пивоваренной промышленности или шляпного производства ничего не смогли дать для «опровержения» марксистского учения о стоимости, прибавочной стоимости, капиталистическом накоплении, экономических кризисах и т. д. Между тем капитализм вступил в стадию своего высшего расцвета, а значит, и резкого обострения всех его противоречий, начинался переход к монополистической стадии капитализма, рабочее движение росло и ширилось с каждым днем, распространение марксизма стало очевидным фактом, на весь мир вспыхнула зарница героической Парижской Коммуны.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 179.

² Там же, стр. 180.

В этой исторической обстановке идеологи буржуазии обратились к поискам нового орудия апологетики, и именно «теоретического», ибо «историческая школа» с ее отрицанием самой возможности экономической теории явно не справлялась с борьбой против марксизма. Надо было отмежеваться от теоретически обанкротившейся «исторической школы» и выдвинуть свою теорию, которую можно было бы противопоставить марксизму.

С «новыми» экономическими теориями, сходными по своему существу, почти одновременно, в 70-е годы, выступили Менгер в Австрии, Джевонс в Англии и Вальрас в Швейцарии. Многие историки буржуазной политической экономии придают этому одновременному и независимому друг от друга выступлению трех авторов с одной и той же концепцией исключительное значение, полагая, что этим доказывается правильность новой экономической теории. Однако факт этот объясняется тем, что «новая» субъективистская теория предельной полезности, с которой в 70-е годы XIX столетия выступили Менгер, Джевонс и Вальрас, была в своих основных положениях выработана задолго до них, и они лишь воскресили ее в нужный для буржуазной апологетики момент, придав этой теории более развернутый вид.

Не говоря уже о том, что Кондильяк в XVIII столетии и Сэй в первой половине XIX столетия пытались определить экономическую значимость субъективной полезности, основы теории субъективной полезности были разработаны в Германии Госсеном, в книге которого «Развитие законов человеческого общения», вышедшей в 1854 году, были разработаны «законы насыщения потребностей». Эти законы составили суть всей теории предельной полезности и главную основу теоретических построений субъективистского направления в буржуазной политической экономии. Как «первый закон Госсена», гласящий; что по мере удовлетворения какой-либо потребности степень наслаждения падает и доходит до нуля, так и его «второй закон», согласно которому при ограниченных ресурсах рост или сокращение потребления каждого из разнородных благ прекращается на том уровне, на каком интенсивность потребностей в них стала одинаковой,— являются основой теории «убывающей полезности благ» и «предельной полезности», которой определяется «ценность хозяйственных благ».

Книга Госсена в свое время не обратила на себя внимания и была забыта, но в 70-е годы ее идеи были гальванизированы Менгером, Джевансом и Визером и поставлены на службу буржуазной апологетике и борьбе с марксизмом. Теория субъективной полезности благ как источника их «ценности» была противопоставлена также основным научным положениям классиков буржуазной политической экономии — Адама Смита и Давида Рикардо, поскольку они научно обосновали определение стоимости трудом.

Таким образом, субъективистское направление явилось третьей формой вульгарной экономии, пришедшей на смену пресловутому «историко-генетическому методу». Этот переход от второй к третьей форме вульгарной экономии ознаменовался так называемой *Methodenstreit* — «методологической схваткой», которая произошла в начале 80-х годов, когда Менгер выступил против «исторической школы» и вызвал ответные выступления Шмоллера и его последователей. Книга Менгера «О методе общественных наук и политической экономии в особенности» (1883 г.) и его памфлет «Ошибочность историзма в немецкой национальной экономии» (1884 г.) явились провозглашением нового метода буржуазной апологетики, отстаивающего правомерность и необходимость теории для защиты капитализма и борьбы с марксизмом, но теории субъективистской, подменяющей объективные законы экономического развития общества субъективными психологическими мотивами поведения «хозяйствующих индивидов».

Теория предельной полезности, составляющая основу субъективистского направления в буржуазной политической экономии, является антинаучной, вульгарной экономической теорией. Ее сущность состоит в том, что марксистскому учению о стоимости товаров, определяемой трудом, и, следовательно, закону трудовой стоимости она противопоставляет субъективную «ценность» благ, которую определяет их «предельная полезность». Сама эта «предельная полезность» представляет собой ту субъективную полезность, которую дает экземпляр блага данного рода, удовлетворяющий наименее настоятельную потребность индивида. Таким образом, во-первых, сама природа «ценности» рассматривается как чисто

субъективная и, во-вторых, величина этой «ценности» зависит от степени насыщения потребности в данном благе, то есть от отношения наличного количества этого блага к потребности в нем у данного индивида. Ценность выступает как субъективная оценка полезности блага, зависящая от а) интенсивности потребности и б) наличного запаса.

В связи с попытками защитников теории предельной полезности оправдать ее метод «исследования» В. И. Ленин писал: «Вопрос состоит вовсе не в том, от какого свойства товаров мы вправе *à priori* (von Hause aus) абстрагировать, а в том, как объяснить основные явления современного, основанного на *обмене* продуктов, общества, как объяснить стоимость товаров, функцию денег и пр.»¹. Следует признать, что теория предельной полезности не сумела объяснить ни одного явления реальной экономической жизни. К ней целиком относятся слова Программы КПСС: «Буржуазные учения и школы не выдержали исторической проверки. Они не смогли и не могут дать научного ответа на вопросы, выдвигаемые жизнью»².

Теория субъективной ценности подменяет объективные экономические процессы, условия материальной жизни общества психологическими переживаниями изолированного субъекта, находящегося вне общества или по крайней мере независимого в своем поведении от объективных социально-экономических условий. Это не только иллюстрируется теми «робинзонадами», которыми оперируют теоретики предельной полезности (лесной отшельник у Бем-Баверка, владеющий несколькими мешками зерна; затерявшийся в пустыне путник у Э. Зелигмана, нашедший несколько яблок, и т. д.), но и целиком вытекает из самого существа рассматриваемой теории. В обществе стоимость товара не может определяться соотношением интенсивности потребностей каждого индивида и имеющегося у него запаса, она определяется условиями общественного производства; предельная же полезность может влиять на оценку благ лишь в том гипотетическом случае, если человек попадает в изолированное положение, оказывается вне общества и обла-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 178.

² Программа Коммунистической партии Советского Союза, Издательство «Правда», 1961, стр. 51.